

**Исследовательская работа на юге Дальнего Востока
второй половины XIX – начала XX вв.
как предпосылка управления аграрной колонизацией:
практика 1860–1869 гг. Часть 2**

В конце 60-х гг. на Дальнем Востоке начинает карьеру путешественника-исследователя Н.М. Пржевальский. Как и многие современники, молодой Пржевальский буквально горел Приамурьем, и, будучи на военной службе, сумел привлечь внимание не только своего начальства, но и научных кругов; в результате его работа в Уссурийском крае имела и военное, и научное покровительство [19, с. 43] (ПИМ 54 [4]). Пржевальский провёл в крае три сезона, один из которых, тёплое время 1868 г., во многом ушёл на участие в "манзовской войне"¹ [17, с. 28–29]. Экспедиция имела комплексные задачи, сам Николай Михайлович пишет о "выполнении служебных поручений и составлении различных коллекций" [17, с. 29], "служебные поручения" имели военное значение и заключались в исследовании путей сообщения между внутренними районами Уссурийского края и а) япономорским побережьем [16, с. 194], б) территориями смежных государств, а также в изучении местных инородцев [17, с. 12]. Изучение природы края было поручено путешественнику Сибирским отделом ИРГО [16, с. 193 сноски], однако и сам Пржевальский был глубоко заинтересован этим делом [17, с. 28]. Характер исследований был типичен для времени и места выполнения работ – они производились в движении, стационарных долговременных наблюдений не было. В ходе экспедиции велись съёмка местности, метеорологические наблюдения, сбор ботанических, орнитологических и др. коллекций, дневниковые записи. Автор определяет характер сочинения об Уссурийском крае, как "рассказ очевидца о стране, им посещённой" [17, с. 29]. На опыте описания сучанской долины ("самого лучшего и плодородного края из всего нашего побережья Японского моря") [17, с. 166–169] можно увидеть подход исследователя к изучению условий земледелия. Рассказ о долине Сучана начинается с описания реки, характера её течения и возможностей судоходства; далее следует характеристика особенностей рельефа, в частности, "долина, гладкая, как пол"; впечатление от растительности: "растительная жизнь развивается до огромных размеров"; оценка возможностей почвы и общая структура почвенного слоя; обзор населения долины: китайцы-земледельцы и промышленники, русские переселенцы, их незавидное положение, колонисты из Финляндии. Данное описание по характеру полностью укладывается в авторское определение работы, данное выше: все описания носят поверхностный характер впечатлений. Представляя собой прекрасный образец очерка региона, по степени детализации и характеру материала описание Южно-Уссурийского края Пржевальским вряд ли может служить специальным руководством для организации аграрного освоения. Известно, однако же, что "Путешествие в Уссурийском крае" служило переселенцам [21, с. 24], возможно, в качестве руководства по выбору мест для водворения.

¹ Вооружённые беспорядки в Южно-Уссурийском округе Приморской области в 1868 г., в ходе которых банда хунзузов совершила нападения на несколько русских селений. Подробнее см. [12].

В 1868 г. было предпринято обследование состояния лесов в Южно-Уссурийском крае, на смену заболевшему Будищеву в качестве руководителя пришёл А. Петрович [1, с. 140–141] (ПИМ 55 [4]), оставшийся на посту производителя лесных работ в крае и далее [13, с. 482]. В рамках данного ПИМ были описаны породы деревьев и выявлены места скопления строевого леса. Петрович продолжил эти работы в ином ключе в 1868–1869 гг. на о. Русском, проводя инструментальную съёмку и межевание угодьев в интересах финской колонии, размещающейся во владениях Сибирского удельного ведомства на южно-уссурийском побережье [15, с. 2] (ПИМ 56 [4]).

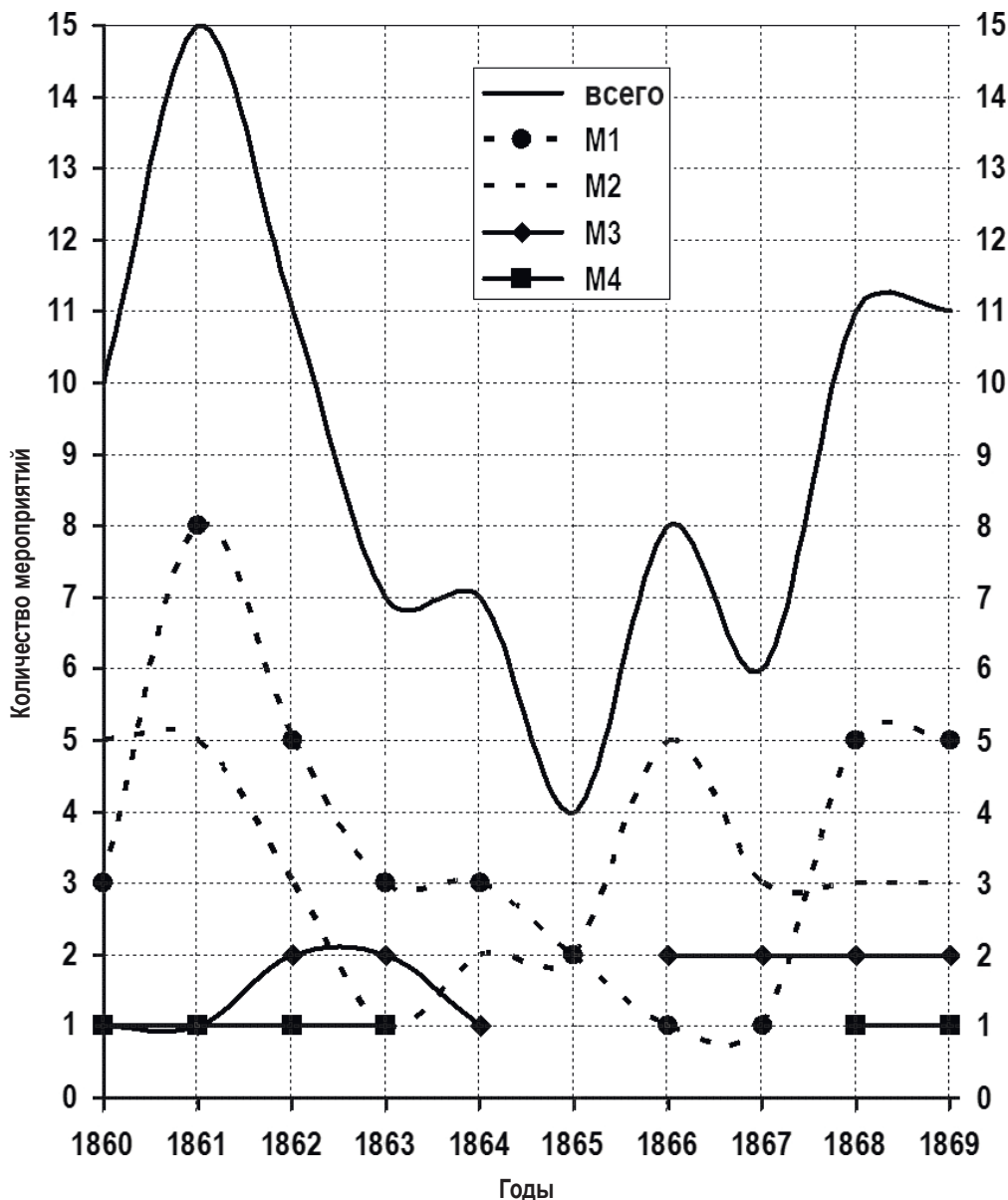
В течение 1868–1869 гг. в Южно-Уссурийском крае на о. Аскольд и о. Путятин вёл поиски горный инженер И.В. Баснин [16, с. 72] (ПИМ 60 [4]). К этому же времени, 1868–1869 гг., относятся геологические изыскания И.А. Лопатина на о. Аскольд, в Уссурийском крае и на Нижнем Амуре [11, с. 22] (ПИМ 61 [4]). К 1869 г. относится топографическая съёмка Южно-Уссурийского края, проводимая чинами Восточно-Сибирского военно-топографического отдела [18, с. 259] (ПИМ 62 [4]).

Во второй половине 1869 г. Приморскую область посетила комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова, фаза её полевой активности продолжалась с конца июня по октябрь [8, с. 6]. Несмотря на то, что комиссия была снабжена инструкцией, включавшей структурированную программу исследования из 11 пунктов с подпунктами [9, с. 440–446], её работа не может быть квалифицирована как "поисково-исследовательская". Во-первых, комиссия изучала обстановку на местности всего четыре месяца, за которые были посещены Амур, Сахалин, побережье Приморской области, что уже затрудняет более или менее детальное изучение. Во-вторых, из известных результатов работы комиссии интерес для данного исследования могут представлять тексты А.П. Людоговского, О.А. Дейхмана, П.И. Кафарова, бывших в штате комиссии [9, с. 21], и Б.И. Дыбовского, исполнявшего роль врача при генерале Сколкове [8, с. 6]. При этом работы Людоговского [9, с. 120–299] и Дейхмана [9, с. 300–317; 7] несут явные следы камеральной работы, основой этих сочинений являются литературные и документальные источники, а посещение исследуемых территорий выполняло главным образом функцию контроля используемых данных. С учётом того, что Дыбовский (авторитетный по сию пору зоолог) вёл исследования неофициально и отказался от платы за услуги, оказанные комиссии [6, с. 239], то от поискового потенциала комиссии остаются только усилия Кафарова, его работа будет рассмотрена отдельно.

Бenedикт Дыбовский, случайно оказавшись в составе комиссии Сколкова, помимо прямых обязанностей занимался и исследованиями: "...я обратил особое внимание на ихтиологическую фауну Амура и на быт туземного населения" [8, с. 6] (ПИМ 63 [4]). Источниками о деталях данного путешествия являются "О Сибири и Камчатке" (1912 г.) [22] и "Дневник доктора Бенедикта Дыбовского, начатый с 1862 года до 1878 года", (1930 г.), вышедшие на польском языке [23]. Несмотря на широкую географию перемещений Дыбовского с государственной комиссией, его дорожные воспоминания (как, впрочем, и его статьи в научных изданиях) дают мало информации, и самого общего характера, по интересующему нас вопросу, за исключением данных о разнообразии животного мира.

Начало наблюдений за состоянием атмосферы в районе зал. Посьета, как уже отмечалось в связи с ПИМ 26 [3, с. 81], относится к 1860 г. Начальник Новгородского поста Черкавский, как сообщает источник, в 1861–1862 гг. фиксировал только температуру воздуха [14, с. 168–169] (ПИМ 26 [4]), хотя в своё время получил от офицера клипера "Наездник" ещё и прибор для измерения атмосферного давления [5, с. 226]; вместе с тем, Новгородский пост в 1862 г. был единственным местом на побережье Японского моря, где велись какие-либо метеорологические наблюдения – ближайший метеорологический пост был в Николаевске [5, с. 226]! Стационарные метеорологические наблюдения ведутся в бухте Находка с 1868 г. по 1871 г. [10, с. 9] (ПИМ 58 [4]), совпадая в целом со временем обустройства и активного существования здесь финской колонии [2, с. 19–47], возможно, замеры производились колонистами.

Рисунок 1. Динамика поисково-исследовательской деятельности в южной части Приморской области в 1860–1869 гг., по типам исследований

Источник: составлено автором на основании [4].

Результаты анализа

Итак, для периода 1860–1869 гг. было зафиксировано 43 поисково-исследовательских мероприятия [4]. Динамика поисковой работы (рис. 1) в первую очередь демонстрирует непрерывность изучения новоприсоединённой окраины: менее одного исследовательского мероприятия в год не осуществлялось. Всплески количества исследований (1861, 1868 и 1869 гг.) отсылают нас к значимым политическим событиям: присоединению Уссурийского края в 1860 г. и Маньчжурской войне 1868 г. Этот факт может свидетельствовать о подчинении политики исследований военной политике. Информация о регионе собиралась из любых источников и по любому поводу: поездка начальника

постовой команды в поисках продовольствия (ПИМ 36), разведка возможностей проведения телеграфной линии (ПИМ 45), поиск полезных ископаемых (ПИМ 31, 37 и др.). Ниже рассмотрим распределение характеристик поисково-исследовательских мероприятий, опираясь на данные, сгруппированные в сводной таблице [4].

Критерий I Распределение поддержки ПИМ центральными², губернскими³ и местными⁴ организациями, а также частными лицами – 10 : 20 : 15 : 3⁵ говорит о существенной трансформации политики исследований по сравнению с предшествующим периодом: если в 50-е гг. наблюдалось равновесие в участии центра и периферии [3, с. 82], то в 60-е тяжесть исследований несёт окраина, причём местные власти (как областные, так и нижегородские уровней) активно включены в процесс изучения региона. Коммерческий и познавательный интерес частных лиц, малозначительный на общем фоне, становится заметным при дифференциации типов кураторов. Распределение поддержки АКИ – 3 : 6 : 2 : 1, в целом соответствует картине предыдущего периода: очевиден приоритет сибирских организаций и заметен вклад приморских. Распределение поддержки научными⁶ и ненаучными⁷ организациями в вопросе изучения региона в целом – 4 : 40, как и в 50-е, отсылает к политизированности исследовательских усилий русских в Приамурье в изучаемое время. В контексте АКИ (типы исследований М3 и М4) заявленное распределение поддержки научными и ненаучными организациями – 2 : 10 может, пожалуй, только подтвердить приоритет политического и хозяйственного (а не чисто познавательного) интереса к региону. Хронологизация критерия I показывает, что столичные организации проявляли исследовательский интерес к региону главным образом в начале десятилетия – большая часть поддержки центра приходится на период по 1864 г.. То же самое относится и к поддержке исследований научными организациями – главным образом первая половина декады.

Критерий II.1 Сопоставление "исследовательских" и "иных" задач поисков – 42 : 1 – показывает концептуальный характер исследований, только один случай из 43 не имел познавательных задач, но имел познавательные результаты. Соотношение "аграрно-колониционных" и "иных" установок поиска – 7 : 43 – говорит о том, что аграрно-колониционная проблематика в исследованиях 60-х гг. уже не была случайной, однако соотношение, на фоне декларации правительства о привлечении в Приамурье переселенцев, остаётся неблагоприятным. Целенаправленность аграрно-колониционных исследований, исходя из совпадения АКИ-целей и АКИ-результатов (ПИМ 24, 42, 51, 53, 59) и побочного появления АКИ-результатов (ПИМ 22, 24, 33, 40, 42, 43, 53, 54) – 5 : 8, представляется относительно слабой – ведь большая часть исследований, давших полезные сведения, была организована совсем по другим вопросам! Если же мы выделим из числа целевых АКИ специализированные, то есть такие, которые были бы полностью и только посвящены изучению условий аграрной колонизации, соотношение иных целевых (ПИМ 24, 42, 53) и специализированных (ПИМ 51, 59) АКИ – 3 : 2 – будет не в пользу последних. Расширив рамки до любых исследований, имевших развитые АКИ-результаты, можно сказать, что из 10 таковых лишь 2 были организованы со специализированной целью. Это обстоятельство позволяет сказать, что аграрно-колониционные исследования в 60-е гг. находились на периферии задач колонизации, а заметные результаты обеспечивались, видимо, частным энтузиазмом колонизаторов нового края. Хронологизация критерия

² ВМ, ИАН, ИРГО, МГИ, ММ. См. полные названия ведомств в комментарии к таблице [4].

³ ВСГТ, ИРГО СО.

⁴ ПОП, СУВ.

⁵ Здесь и далее возможные несовпадения количества ПИМ с общей их суммой связано с соучастием организаций из сравниваемых групп, а значит и учётом конкретного мероприятия в каждой из групп.

⁶ ИАН, ИРГО, ИРГО СО, частн. лица ПИМ 26 и 63.

⁷ ВМ, ВСГТ, МГИ, ММ, ПОП, СУВ, частн. лицо ПИМ 43.

П.1 показывает, что АК-цели ставились перед исследованиями на протяжении всего десятилетия, только 1865 г. прошёл, по-видимому, без изучения аграрно-колониационной проблематики в крае.

Критерий П.2 Отношение степени готовности специалистов вести АКИ, неспециалисты и специалисты, – **4 : 39** – говорит о высоком профессиональном уровне исследований; интересно, что неспециалисты вели работы только в 1860–1862 гг. Картина АК-ценных исследований несколько иная – распределение непрофессионалов и профессионалов в этой области – **9 : 1** – говорит о том, что исследования, в сущности, велись случайными людьми (что неудивительно на фоне кадрового голода окраины). Таким образом, в плане кадрового обеспечения АКИ продолжается тенденция 50-х гг.

Критерий П.3.1 Соотношение мобильных и стационарных наблюдений – **37 : 6**, раскрывающее методические возможности исследований, в целом сохраняется на уровне предыдущего десятилетия, однако следует указать на появление нового вида работ, который можно отнести к стационарным, землеотводы – они ведутся на большей части изучаемого периода. Именно землеотводные работы, оставляя значимый АКИ-результат, создают новую картину соотношения мобильных и стационарных АКИ – **8 : 2**.

Критерий П.3.2 Баланс технических, а значит и методических, средств исследований (глазомерные, инструментальные, комплексные), влияющих на точность наблюдений и адекватность суждений и выводов – **19 : 9 : 15** – говорит о всё ещё большей доле глазомерных наблюдений, что можно принять в условиях начального проникновения в регион. Соотношение средств АК-исследований – **5 : 1 : 4** – являет новую картину: половина работ опирается на визуальные наблюдения и оценки, а вторая половина проведена с использованием технических средств, наконец, зафиксировано одно исследование, полностью базирующееся на результатах инструментального измерения.

Критерий П.4 Отношение опубликованных и неопубликованных результатов исследований – **28 : 16** – в пользу открытых данных, степень же доступности результатов АКИ по сравнению с 50-ми годами уже неполная – **8 : 3**, однако выше общего фона исследований, что имеет значение для аграрно-переселенческой политики, получающей таким образом устойчивое информационное основание.

Критерий П.3 Порядок сбора АК-информации является одним из показателей аграрно-колониационных исследований как таковых. В рамках выявленного круга исследований соотношение порядка сбора: отсутствия, попутного, целенаправленного – **18 : 17 : 7** – только в самых общих чертах совпадает с раскладкой типов исследования (*табл. 1, стр. 2, 4*). Для аграрно-колониационных исследований распределение попутного и целенаправленного порядков сбора – **3 : 5** – является в целом ожидаемым. Бросается в глаза "потеря" двух случаев целенаправленного сбора информации – это объясняется тем, что данные случаи (ПИМ 52 и 56), имея предпосылки (в т. ч. по критерию П), так и не реализовались в полноценные АКИ.

Критерий IV Содержание исследований имеет определяющее значение для их квалификации в качестве аграрно-колониационных и для внутренней дифференциации группы АК-исследований. На протяжении изучаемого периода можно выделить два отрезка, различающихся интенсивностью и распределением типов исследований (*рис. 1*). На первую половину 60-х приходится большая часть исследований, представлены все их типы, выстраивается своеобразная иерархия распространённости типов – менее специализированные (относительно АКИ) исследования оказываются более распространёнными. Вторая половина декады демонстрирует спад исследований типа М1 и относительно стабильность исследований типов М2, М3 и М4 (*рис. 1*). Для данного десятилетия исследования М1 – это, как правило, топографические экспедиции; падение их интенсивности во второй половине декады явно нельзя объяснять успехами топографических съёмок первой половины и вряд ли можно объяснять падением интереса центральных ведомств, отмеченным в рамках анализа по критерию I. Сравнивая соотношение типов за весь период, следует отметить падение доли АКИ в общем количестве на фоне роста суммы исследований. Тем не менее, сравнивая распределение типов за 1850–1860 [**3, с. 84 (табл. 1, стр. 5, 7)**] и за 1860–1869 гг. (*табл. 1, стр. 5, 7*), можно видеть сохранение пропорций – это позволяет говорить о преемственности

Таблица 1. Распределение типов поисково-исследовательских мероприятий, 1860–1869 гг.

1	Тип	M1	АКИ			Всего
			M2	M3	M4	
2	Количество	20	13	8	2	43
3	Кол-во, модификация 1	20	23			43
4	Кол-во, модификация 2	20	13	10		43
5	Доля, %	46,51	30,23	18,61	4,65	100
6	Доля, %, модификация 1	46,51	53,49			100
7	Доля, %, модификация 2	46,51	30,23	23,26		100

Источник: составлено автором на основании [4].

Примечание: модификация предлагает различные виды группировки АКИ для большей наглядности – 1) общая сумма и 2) группа исследований (M3, M4), имеющих по степени полноты материала самостоятельное АК-значение.

"стиля" исследования региона, а может быть, и политики в области исследования региона в 60-е гг. XIX в. по отношению к 50-м годам.

Длительность Собранный материал позволяет оценить и длительность поисково-исследовательских мероприятий. Общее соотношение краткосрочных (длвившихся один сезон) и долгосрочных (длвившихся два сезона и более) для 60-х – 23 : 20, для 50-х годов – 17 : 9, см. [3, с. 89–91], несмотря на приоритет краткосрочных исследований в оба периода, почти двукратная разница в первую декаду сменяется выравниванием количества во второй. Распределение типов в рамках АК исследований для 60-х – 5 : 4, для 50-х годов – 6 : 1, см. [3, с. 89–91], динамика баланса в рассматриваемые десятилетия для АК-ценных исследований остаётся такой же, как и для общего круга исследовательских работ. В целом рост количества и доли долгосрочных исследований может свидетельствовать о расширении географии проектов и детализации их результатов, однако приведённые в данной работе сведения не дают пока устойчивых оснований для подобных выводов.

* * *

Новый виток аграрно-колониционных исследований наследует многие черты предыдущего этапа: подчинённость АКИ внешним задачам, открытость результатов, недостаток специалистов, энтузиазм и любительщина как значимая характеристика мотивации исследователей к разработке АКИ проблематики параллельно выполнению служебных задач. Вместе с тем, именно с 1860 г. в Приморье целенаправленно ведутся аграрно-колониционные исследования, то есть 60-е годы открывают своеобразную эпоху в изучении региона. Среди новаций в организации исследований необходимо отметить появление стационарных инструментальных АКИ, что повышает уровень их результатов, а также существенный рост количества долгосрочных исследований. Таким образом, существуют основания зафиксировать полезное развитие аграрно-колониционных исследований, их количественный и качественный рост, заложившие информационную и методическую основу сопровождения массового земледельческого освоения Приморья в последующие десятилетия.

Литература

1. Александровская Л.В. Иван Васильевич Фуругельм: двадцать лет на Восточном океане: Документально-историческое повествование. Владивосток: Изд-во ПИШКРО, 2007. 344 с.
2. Александровская Л.В. Тихоокеанская трилогия. Документально-историческое повествование. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2001. 346 с.
3. Барбенко Я.А. Исследовательская работа на юге Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX веков как предпосылка управления аграрной колонизацией: практика 1850–1860 гг. // Известия Восточного института. 2016. № 4. С. 73–91.
4. Барбенко Я.А. Каталог поисково-исследовательских мероприятий на территории юга Приморской области в 1850–1910 гг. [Электронный ресурс] // "Ойкумена. Регионоведческие исследования": [сайт]. URL: http://ojkum.ru/images/catalog_pim_1850-1910.pdf (дата обращения: 07.05.2018).
5. Бурачек Е. Воспоминания заамурского моряка. Жизнь в Владивостоке. 1862 год // Морской Сборник. 1865. Т. 80. № 10, отд. III. С. 225–262.
6. Грицкевич В. От Немана к берегам Тихого океана. Мн.: Польша, 1986. 304 с.
7. Дейхман. Горная промышленность на Амуре и прибрежьях Приморской области / О.А. Дейхман // Горный журнал. 1871. № 5. С. 279–328.
8. Дыбовский Б. Автобиография // Пятидесятилетие Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества: юбилейный сборник. Вып. 1: Фауна Байкала / ред. А. Коротнев. Киев: б. и., 1901. С. 1–12.
9. Из предыстории сахалинской каторги. При-амурская комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова (1869–1870 гг.) / Сост. В. М. Латышев, Г. И. Дударец. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. краевед. музей, 2015. 460 с.
10. Кирилов Н.В. Изучение климата Приморского района. Метеорологическая хрестоматия для Дальнего Востока. Владивосток, б. и., 1914. 264 с.
11. Клеопов И.Л., Лопатин И.А. Очерк жизни и научной деятельности. Неопубликованные дневники, письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964. 200 с.
12. Кондратенко Р.В. Манзовская война. Дальний Восток. 1868 год. СПб.: Изд-во ОСТРОВ, 2004. 146 с.
13. Леса Дальнего Востока глазами первопроходцев / сост.: Ю.И. Манько, А.Ж. Пуреховский. СПб: Изд. Д. В. Львов, 2016. 512 с.
14. Лопатин И. Обзор южной части Приморской области Восточной Сибири за р. Суифуном // Записки Сибирского Отдела ИРГО. Кн. VII. 1864, отд. I. С. 166–206.
15. Надаров И. Двадцатипятилетие Владивостока // Материалы к изучению Уссурийского края. Доклады в Обществе изучения Амурского края И. Надарова. Владивосток: б. и., 1886. С. 1–5.
16. Письмо штабс-капитана Пржевальского к правителю дел Сибирского Отдела о результатах его исследований на р. Усури и озере Ханка, летом 1867 г. / Н.М. Пржевальский // Известия ИРГО. 1868. Т. IV, отд. II. С. 193–195.
17. Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 336 с.
18. Смагин Р.Ю. Военно-топографическая служба в Сибири в XIX – начале XX века. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 2015. 366 с.
19. Схиммельпенник ван дёр Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
20. Хисамутдинов А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока (Материалы к биобиблиографии исследователей). Вып. 1 (1639–1939). Владивосток: Дальнаука, 2007. 667 с.
21. Чарнецкий Л. Методы и итоги прошлой колонизации Приморья и ближайшие колонизационные мероприятия в будущем // Советское Приморье. 1925. № 3. С. 10–36.
22. Dybowski B. O Syberyi i Kamczatce. Warszawa, Kraków, [1912]. 563 s.
23. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 630 s.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aleksandrovskaya L.V. Ivan Vasil'evich Furugel'm: dvadtsat' let na Vostochnom okeane: Dokumental'no-istoricheskoe povestvovanie. Vladivostok: Izd-vo PIPPKRO, 2007. 344 s.
2. Aleksandrovskaya L.V. Tikhookeanskaya trilogiya. Dokumental'no-istoricheskoe povestvovanie. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta, 2001. 346 s.
3. Barbenko YA.A. Issledovatel'skaya rabota na yuge Dal'nego Vostoka vtoroj poloviny XIX – nachala KHKH vekov kak predposylka upravleniya agrarnoj kolonizatsiej: praktika 1850–1860 gg. // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2016. № 4. S. 73–91.
4. Barbenko YA.A. Katalog poiskovo-issledovatel'skikh meropriyatij na territorii yuga Primorskoj oblasti v 1850–1910 gg. [Elektronnyj resurs] // "Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya": [sajt]. URL: http://ojkum.ru/images/katalog_pim_1850-1910.pdf (data obrashheniya: 07.05.2018).
5. Burachek E. Vospominaniya zaamurskago moryaka. ZHizn' v Vladivostoke. 1862 god // Morskoj Sbornik. 1865. T. 80. № 10, otd. III. S. 225–262.
6. Gritskевич V. Ot Nemana k beregam Tikhogo okeana. Mn.: Polymya, 1986. 304 s.
7. Dejkhman. Gornaya promyshlennost' na Amure i pribrezh'yakh Primorskoj oblasti / O.A. Dejkhman // Gornyj zhurnal. 1871. № 5. S. 279–328.
8. Dybovskij B. Avtobiografiya // Pyatidesyatiletie Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshhestva: yubilejnyj sbornik. Vyp. 1: Fauna Bajkala / red. A. Korotnev. Kiev: b. i., 1901. S. 1–12.
9. Iz predystorii sakhalinskoj katorgi. Pri-amurskaya komissiya general-ad'yutanta I.G. Skolkova (1869–1870 gg.) / Sost. V. M. Latyshev, G. I. Dudarets. YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalin. obl. kraeved. muzej, 2015. 460 s.
10. Kirilov N.V. Izuchenie klimata Primorskago rajona. Meteorologicheskaya khrestomatiya dlya Dal'nyago Vostoka. Vladivostok, b. i., 1914. 264 s.
11. Kleopov I.L., Lopatin I.A. Oчерk zhizni i nauchnoj deyatel'nosti. Neopublikovannye dnevniki, pis'ma. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1964. 200 s.
12. Kondratenko R.V. Manzovskaya vojna. Dal'nij Vostok. 1868 god. SPb.: Izd-vo OSTROV, 2004. 146 s.
13. Lesa Dal'nego Vostoka glazami pervopokhodtsev / sost.: YU.I. Man'ko, A.ZH. Purekhovskij. SPb: Izd. D. V. L'vov, 2016. 512 s.
14. Lopatin I. Obzor yuzhnoj chasti Primorskoj oblasti Vostochnoj Sibiri za r. Sujfunom // Zapiski Sibirskago Otdela IRGO. Kn. VII. 1864, otd. I. S. 166–206.
15. Nadarov I. Dvadsatipyatiletie Vladivostoka // Materialy k izucheniyu Ussurijskago kraja. Doklady v Obshhestve izucheniya Amurskago kraja I. Nadarova. Vladivostok: b. i., 1886. S. 1–5.
16. Pis'mo shtabs-kapitana Przheval'skago k pravitel'yu del Sibirskago Otdela o rezul'tatakh ego izsledovanij na r. Usuri i ozere KHanka, letom 1867 g. / N.M. Przheval'skij // Izvestiya IRGO. 1868. T. IV, otd. II. S. 193–195.
17. Przheval'skij N. Puteshestvie v Ussurijskom krae. 1867–1869 gg. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1990. 336 s.
18. Smagin R.YU. Voенно-topograficheskaya sluzhba v Sibiri v XIX – nachale KHKH veka. Dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Novosibirsk, 2015. 366 s.
19. Skhimmel'pennink van dyor Oje D. Navstrechu voskhodyashhemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s Yaponiej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 421 s.
20. KHismutdinov A.A. Tri stoletiya izucheniya Dal'nego Vostoka (Materialy k biobibliografii issledovatelej). Vyp. 1 (1639–1939). Vladivostok: Dal'nauka, 2007. 667 s.
21. CHarnetskij L. Metody i itogi proshloj kolonizatsii Primor'ya i blizhajshie kolonizatsionnye meropriyatija v budushhem // Sovetskoe Primor'e. 1925. № 3. S. 10–36.
22. Dybowski B. O Syberyi i Kamczatce. Warszawa, Kraków, [1912]. 563 s.
23. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zaczęwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 630 s.

Барбенко Я.А. Исследовательская работа на юге Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX вв. как предпосылка управления аграрной колонизацией: практика 1860–1869 гг. Часть 2.

Работа представляет собой анализ исследовательской деятельности русских в Приамурье в 1860–1869 гг. На основании системы критериев оценена организация и содержание исследований, дана оценка их аграрно-колонизационной составляющей. Данный период наследует многие черты предыдущего десятилетия: подчинённость внешним задачам, открытость результатов, недостаток специалистов, энтузиазм и любительщина как значимая характеристика мотивации исследователей. Выявлены изменения в организации исследований: появляются стационарные инструментальные исследования, растёт количество долгосрочных работ.

Ключевые слова: *Приамурье, аграрная колонизация, управление колонизацией, географические исследования, аграрно-колонизационные исследования*

Barbenko YA.A. Explorations in the south of the Russian Far East in second half XIX – early XX centuries as agricultural colonization management background: 1860 to 1869 practice. Part 2.

Explorations in the south of the Russian Far East second half XIX early XX centuries as agrThe paper presents an analysis of research activities in the Russian Amur region from 1860 through 1869. Based on the system of criteria were evaluated organization and content of the studies, were assessed the agricolonial fieldworks component. Pointed period inherits many features of the previous decade: subordination to external tasks, openness of results, lack of specialists, enthusiasm and amateurism as a significant characteristic of the researchers' motivation. Changes in the organization of researches are revealed: the stationary instrumental researches appear, the quantity of long-term works grows.

Key words: *Amur Region, settler colonialism, colonization management, geographic explorations, agricolonial fieldworks*

Для цитирования: Барбенко Я.А. Исследовательская работа на юге Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX вв. как предпосылка управления аграрной колонизацией: практика 1860–1869 гг. Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 55–63. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/55-64

For citation: Barbenko YA.A. Explorations in the south of the Russian Far East in second half XIX – early XX centuries as agricultural colonization management background: 1860 to 1869 practice. Part 2 // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 55–63. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/55-63

